

МАРСИАНИН

Научно-фантастический рассказ

В кают-компании «Геorgia Седова» поселился дух «марсианской катастрофы». Никто уже не хотел рассказывать об арктических приключениях, моряки и полярники вспоминали подробности тунгусского взрыва, волновались, спорили... Наш

«Северный Декамерон», как сказал капитан, сел на мель...

— Придется уж вам выручать, Александр Петрович, — смеясь обратился он ко мне. — Пусть теперь писатель-фантаст расскажет что-нибудь фантастическое, раз астрономический гость на такой лад всех настроил.

— Да, да! — оживились собравшиеся в кают-компании. — Такое расскажите, чтобы и поверить было нельзя!

— А в межпланетный корабль над тайгой поверили? — пошутил я.

— Американцы говорят: «В бога мы веруем, а остальное наличными», — сказал капитан. — По-моему «наличного» было много.

— Так много, что... и не опровергнешь, — заметил летчик, огромный, в собачьих унтах и комбинезоне. Он должен был выбрать место для аэродрома на одном из островов и потому плыл на «Геorgии Седове».

— Не поверишь... и не опровергнешь, — задумчиво сказал штурман Нетаев.

— Значит, рассказать, чтобы не поверили? — спросил я, уже решившись вклинить в слышанные здесь нехитрые повествования об арктической жизни рассказ о жизни совсем иной, невероятной, невозможной, но...

Меня стали слушать, может быть, чуть недоверчиво, со снисходительной или подбадривающей улыбкой, может быть, с той же самой, с какой перевертывает читатель эту страницу, ожидая вымысла...

Впрочем, рассказ пойдет о сегодняшнем дне, об одной только встрече в скучной комнате, с подтеками на потолке и чернильными пятнами на столах, в центральном аэроклубе СССР имени Чкалова, в Тушине под Москвой.

В тот день я дежурил в аэроклубе. Нет, я не летчик, не удивляйтесь. Дело в том, что несколько лет назад мы, энтузиасты астронавтики, создали секцию астронавтики, общественную организацию, ставящую целью содействовать будущим межпланетным полетам. Еще недавно над нами посмеивались, в шутку называли нас, мечтающих о полете на Луну, «лунатиками». Мы стойко сносили все, пропагандировали любимую свою астронавтику, собирали вокруг себя всех, кого могли заразить верой в космические полеты, создали различные комитеты: астронавигации, реактивной техники, астрономии и биологии космического полета, радиоуправления... Теперь уже над секцией астронавтики никто не смеется, в нее входят многие ученые, прославленные летчики, студенты, инженеры, писатели... входят юноши, девушки, зрелые люди и старцы, искатели, педанты и мечтатели...

Словом, как одному из организаторов секции астронавтики мне привелось в год запуска первых искусственных спутников Земли дежурить в аэроклубе. Я поговорил с двумя девушками и одним юношей, мечтавшими обязательно полететь не куда-нибудь, а на Марс, и читал, оставшись один, полученные письма.

Среди них встречались очень интересные. Юноша писал: «Мне 18 лет, я только что окончил школу, я еще ничего не сделал в жизни, а хочется сделать для науки так много. Я слышал, что в искусственном спутнике Земли хотят послать в Космос собаку. Для науки, конечно, важнее, чтобы полетел человек. Прошу помочь мне предложить свои услуги для экспериментального полета в Космос. Я уверен, что успею передать по радио все свои ощущения... И я увижу со стороны звезд земной шар...»

Другое письмо было от женщины: «Я домашняя хозяйка, мне 46 лет. И я так ничего и не сделала в жизни. Позвольте мне послужить науке и предоставить себя для изучения состояния человеческого организма в

космическом полете. Я понимаю, что не всякая ракета может вернуться...»

Писал и машинист Забайкальской железной дороги: «Я очень люблю технику, знаю механизмы, готов учиться. Я мог бы быть полезен в составе экипажа космического корабля...»

Кстати говоря, людей, мечтающих участвовать в предстоящих космических полетах, уже сейчас и у нас и за рубежом десятки тысяч...

Я задумался над удивительной особенностью человеческого характера. Какая сила тянет человека к звездам, уносит с Земли? Одна лишь неукротимая, неуголимая, неодолимая жажда знания. Та самая, которая вела полярных исследователей, страстных, благородно одержимых, погибавших, но все же стремившихся через непроходимые льды, вьюги и стужу к таинственной точке, именуемой на картах с белым пятном полюсом... Та же сила влекла отважных мореплавателей через просторы и бури морей к неведомым землям, прекрасным своей неизвестностью... И та же сила ведет вереницу отчаянных смельчаков, взбирающихся по оледенелому склону к никем не побежденной, недоступной, упершейся в самое небо вершине, на которой нет ничего, кроме буйного ветра, ослепляющего вида и очищающего, опьяняющего чувства высоты...

Цели и высоты, к которым стремится ныне человек, не идут уже в сравнение ни с чем, что он прежде достиг...

Такова человеческая натура, и тем она прекрасна!

Я заметил «его» в окно, когда он шел по двору аэроклуба. Собравшись уже домой, я задержался, словно знал, что он идет ко мне. Что-то странным показалось мне в нем или в его походке, не пойму.

Это ощущение усилилось, когда я увидел его вблизи. (Оказывается, он действительно шел ко мне!) Но дело было не в его маленьком росте и затрудненных, казалось, движениях, не в некоторой непропорциональности тела, рук и ног, даже не в крупной шишковатой и совершенно лишенной волос голове... Меня поразили взгляд его больших, умных глаз, измененных диковинными, невероятно выпуклыми стеклами

очков. Они приближали ко мне его огромные, чуть печальные глаза, проникающие в собеседника и все понимающие...

Я мысленно объяснил необыкновенными очками произведенное на меня гостем впечатление и пригласил его сесть.

Положив на стол толстую рукопись, он посмотрел на меня с ласковой улыбкой и, конечно, заметил легкий испуг в моих глазах, может быть, даже понял, что мне приходится читать уж слишком много рукописей и я побаиваюсь их...

— Нет, это не для литконсультации и не для печати, — сказал он.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Я знаю, что преждевременно еще говорить о реальном межпланетном полете, о возможном составе экипажа... Хотя, может быть, вам уже досаждают с просьбами. И все же мне хочется уже сейчас заручиться поддержкой вашей секции.

Передо мной стоял не юноша, с ним нельзя было пошутить, нельзя было посоветовать ему изучать области наук, которые понадобятся когда-нибудь астронавту.

Непостижимым путем он понял меня и сказал, что он не астронавт, не геолог, не врач, не инженер, хотя... — он чуть задержал дыхание — хотя и мог бы быть каждым из них. Но все же он рассчитывает на поддержку, хочет быть уверен, что будет включен в состав экипажа первого же корабля, который полетит на Марс, ибо каждый имеет право на... возвращение.

Мне стало не по себе. Вспомнилось, как в 1940 году я читал письмо заведующего универмагом в городе Свердловске, просившего помочь ему вернуться... тоже на Марс! Говорят, во всех других отношениях работник торговли был вполне нормальным человеком.

Посетитель улыбнулся. В глазах его я прочел, что он опять все понял. Черт возьми! Может быть, и в самом деле у них на Марсе разреженная атмосфера и там давно отказались от передачи мыслей при помощи звуковых волн, то есть сотрясанием воздуха. Я поймал себя на том, что не только он, но и я угадываю его мысли... Легче всего было счесть его больным...

— Да, — сказал посетитель. — Первое время я попадал в сумасшедший дом, пока не понял, что бесполезно убеждать людей.

Я размышлял, не его ли письмо я читал когда-то, еще до войны...

Посетитель указал на рукопись:

— Я мог бы написать на русском или английском, французском или голландском, по-немецки, по-китайски или по-японски, пользуясь одной из принятых на Земле письменностей...

Стараясь быть учтивым, я развернул рукопись и нахмурился, увидев страницу, испещренную странными знаками. Что это? Мистификация? Или болезненный симптом?

— Невозможно разумному существу, — продолжал гость, — каково бы оно ни было, придумать в одиночестве неведомый язык со всей его выразительностью и гибкостью, передающий мысли и чувства, даже не вполне понятные людям, невозможно одному разумному существу изобрести письменность для записи всех богатств такого языка. Вы поймете, что написать эту рукопись мог лишь представитель действительно существующего в суровом мире увядания далекого, древнего, мудрого племени...

— Но как это прочесть! — не выдержал я и тотчас увидел за чудесными очками ласковое участие.

— В последнее столетие культура на Земле развивалась взрывоподобно. Пройден путь от осознания закона сохранения энергии до использования энергии вещества, от идолопоклонства до создания машин, умножающих силу мозга, заменяющих его в определенных функциях. Я счастлив, что могу считать себя современником расцвета этой культуры на щедрой и юной планете, которая, обладая достаточной массой, не теряет ни атмосферы, ни воды и которую не ждет увядание.

— И вы думаете, — уже понял я собеседника, — что электронные вычислительные машины смогут расшифровать рукопись?

— Ваши машины прочтут рукопись, и вы поймете, кем она написана.

Я готов был понять, я уже почти понял, кем она написана! Я ощущал нелепость или необычность положения, у меня даже дрожали руки. Кто

заинтересуется этой встречей: весь мир или только несколько психиатров?

Через выпуклый хрусталь очков на меня смотрели передающие и читающие мысли глаза. Разве возможна с ними ложь или двоедушие, ханжество или лицемерие!..

Мы расстались с моим посетителем, договорившись встретиться в этой же самой комнате ровно через полгода...

— Пойдите! — почти возмущенно сказал штурман Нетаев, подняв свои светлые, расширившиеся сейчас глаза. — А как же рукопись?

В кают-компании зашумели.

— Рассказы о сумасшедших всегда чем-то занимательны, — заметил кто-то.

Нетаев гневно обернулся к говорившему.

— Я думаю, рассказ не окончен, — сказал капитан и выжидательно посмотрел на меня.

— Пожалуй... неокончен, — согласился я. — Ведь я еще встречусь с ним...

— А рукопись у вас? Ее можно посмотреть? — оживился Нетаев.

— Нет. Рукопись не у меня. У рассказа в самом деле есть продолжение. Вскоре после встречи, о которой я рассказал, к нам в Союз писателей приехал замечательный ученый. Его имя с уважением произносят все математики мира. Это интереснейший человек. Ученый нового типа. Статный, высокий, спортивного склада, прекрасный теннисист, шахматист, великолепно знающий литературу... Мы с ним много спорили по литературным вопросам... В советское время шестнадцати лет он поступил в университет. Двадцати лет он уже был кандидатом наук, а двадцати восьми — избран академиком.

— О, я знаю, о ком идет речь! — воскликнул Нетаев.

— Ученый рассказывал нам, писателям, об электронной вычислительной технике. Вы слышали, конечно, о кибернетических машинах, способных не только делать труднейшие математические вычисления, с которыми человек мог бы справиться лишь за несколько поколений, но и решать логические задачи, обладая так называемой

электронной памятью, то есть автоматизированным словарем, — переводить с одного языка на другой и даже редактировать сделанный перевод.

Академик, когда я отвозил его домой в своей машине, рассказывал, что сделал дерзкий опыт... Он задал Большой электронно-вычислительной машине Академии наук, которая, между прочим, может неплохо играть в шахматы, решать шахматные задачи (но не этюды, построенные на парадоксах), программу, согласно которой машина должна была угадать сюжет драматического произведения только по одному перечню действующих лиц. Это было очень забавно, но в том случае, когда пьеса попадала серенькая, шаблонная, где все действительно оказывалось расписанным заранее, машина совершенно точно указывала, кто будет плохой, кто хороший, когда доцент обманет студентку, когда благородный профессор вмешается и когда все благополучно кончится...

Но, как рассказывал мне академик, электронно-вычислительная машина обладала еще одним ценнейшим свойством. Ведь она может делать сотни тысяч попыток в секунду, а в скором времени должна будет делать до миллиона попыток в секунду. Применяя метод исключения, вариационный метод, используя огромное количество попыток, миллиарды попыток, можно за короткий срок расшифровать любой секретный шифр, код... Академик заметил, что египетские иероглифы или древняя клинопись могли бы быть расшифрованы электронно-вычислительными кибернетическими машинами за несравненно меньший срок, чем это понадобилось в прошлом веке ученым...

Этого я и ждал, как вы можете догадаться!

Я осторожно рассказал академику о странном посетителе и его рукописи. Он молодо и заразительно засмеялся. Чуть сконфуженный, вел я машину. Вскоре мы приехали. Прощаясь, академик озорно посмотрел на меня и сказал:

— Давайте рискнем. Есть у нас экспериментальная машина. Ночами она свободна. Если сумеете убедить моих сотрудников, молодежь,

увлечь их... Тогда можно попробовать расшифровать несколько первых страниц...

— И последних, — вставил я.

Он снова заразительно рассмеялся.

— Если вообще их можно расшифровать.

Он смеялся, молодой академик, любящий шахматные задачи и математические шутки с драматургией, он предлагал мне уговорить его молодых сотрудников, но... когда я явился к нему в Академию наук и принес странную рукопись, то молодые сотрудники, давно сагитированные своим неумным шефом, нетерпеливо ждали меня, набросились на рукопись, стали листать ее, спорить о том, какую задать программу расшифровки...

Ох, эта программа расшифровки! Сколько раз пришлось ее менять!..

— Не получалось? — с тревогой спросил Нетаев.

— Решительно ничего не получалось. Многие научные сотрудники пали духом. Академик смеялся, шутил, подтрунивал, но... вмешивался и задавал новую программу...

— И как же?

— Шли месяцы... И вот, представьте себе, однажды в разговоре академик сказал, что если стараться, то с помощью кибернетической машины даже ночные огни города можно расшифровать в виде поэтического произведения... Не знаю, в силу ли этой особенности теории вероятности, но... в один прекрасный день начало что-то получаться. Академик перестал шутить, стал злым, придирчивым... Машина теперь расшифровывала не только ночью, но и днем... Запоздали с каким-то расчетом фильтрации воды через плотину... Кто-то скандалил, а мы... а мы с волнением складывали уже разумные понятия, снова задавали, теперь уже увереннее, программу машине.

— Прочитали? — почти задыхаясь, спросил Нетаев.

— Да. Несколько первых страниц...

— Что? Что? Не мучьте!..

— Что ж... Электронно-вычислительная машина, увеличивающая способности человеческого мозга, так же как увеличивает мощь

мускулов, скажем, паровой экскаватор, эта машина расшифровала первые страницы дневника, день за днем записанного на Земле марсианином, который при трагических обстоятельствах остался в тунгусской тайге в 1908 году...

Вы представьте себе мое волнение, когда глазами существа мира чуждых пустынь я увидел щедрую, расточительную красоту нашей планеты, увидел бесконечное множество ее растительных форм, удивительных, поражающих чужое воображение непостижимым своим разнообразием, увидел, наконец, животный наш мир, развившийся мириадами самостоятельных ручейков жизни, каждый из которых по своему совершенен по красоте... и вершину ее — человека, познавшего природу... С ним встретился, наконец, чужепланетный пришелец...

Как поражен был он этой встречей! Существа Земли походили на него, обитателя далекого Марса! Значит, высшая рациональность развития узка, она может выбрать для разумного существа лишь схожие формы! Эти существа Земли, люди, мыслили, обменивались мыслями, правда, странным способом — прибегая к сотрясению воздуха, к звукам, при помощи которых можно было не только передать, но и скрыть мысли...

Он подражал людям, инопланетный гость, стараясь тоже воспроизводить звуки, чтобы сообщить людям, кто он. И он сообщил об этом, но... сибирские купцы и урядник, признавшие в нем лишь инородца, да еще и умалишенного, посадили его в сумасшедший дом.

Полвека прожил гость из Космоса среди людей, ведя свой дневник... Мы еще не прочитали всех его страниц, но я обещаю расшифровать их все и опубликовать в своем романе «Марсианин», который начинаю этим рассказом. В дневнике марсианина мы увидим чужими глазами, глазами представителя мудрого, древнего племени, достигшего на своей дряхлой планете высшей формы организации общества, миллионы лет назад прошедшего современную нам фазу развития, глазами марсианина увидим мы нашу жизнь, самих себя, свои поступки и обнаженные волшебными очками отношения между людьми, увидим ложь и фальшь, ханжество и лицемерие, которые не могут существовать, если мысль не

прикрыта условным сотрясением воздуха, и которых не будет, когда вырастет дух людей.

Какими мы показались ему в первые дни его общения с нами?.. Да и потом, когда он был современником мировых войн, кого мог он видеть в тех, кто пролитой кровью решал споры, кто насильно заставлял людей работать на себя, делая одних счастливыми, других несчастными?..

Прочтя дневник марсианина, можно увидеть жизнь на Земле со стороны! Но вот последние страницы дневника... мы узнаем, как стремился он в

страну, где начинали строить основы привычного ему общества, узнаем, как менял он, живя с людьми, мнение о них. Восхищенный взрывоподобным развитием их культуры, когда за столетие был пройден этап истории, потребовавший на Марсе миллиона лет, марсианин мечтает, что более удачливые и энергичные, чем его соплеменники, земляне вернут его на суровый и любимый Марс, он мечтает принести с собой на Марс неистощимую, рвущуюся наружу жизненную энергию людей, которые помогут продлить жизнь на высыхающем Марсе на новые миллионы лет!..

Мы прочтем его дневник, узнаем его жизнь на Земле и поймем, какой это был человек! То есть, простите, какой это был марсианин!..

Да, я волнуюсь, когда думаю о новой встрече с ним. Разве не почувствует волнения каждый из вас при одной только мысли, что рядом с вами стоит кто-то, словно пришедший из нашего будущего, судящий вас по законам нашей мечты! Не хочется его осуждения ни в чем, ни на один миг!..

Я кончил. Все молчали.

— Да, — сказал, наконец, капитан и вздохнул. — Стоит думать о таком марсианине, всегда стоит думать. Все равно как его назвать: марсианином или нашей коммунистической совестью...

— Точно, — сказал летчик и поднялся.

— Прочитать бы весь дневник, — сказал Нетаев.

— Обещаю, прочтете, — заверил я. И тут же спохватился. — Пойдите! Ведь мы договорились, что вы не поверите в то, что я расскажу.

Нетаев снисходительно усмехнулся, а капитан погрозил мне пальцем:

— Если в южный рейс не пойдем, хотел бы я в тот день на ваше дежурство прийти в аэроклуб.

В кают-компании стало шумно. Ко мне подходили и просили написать о новой встрече с ним, если она состоится.

— Непременно напишу, — обещал я, — роман напишу.

Кто-то даже обиделся:

— Почему роман? О нем напишите!

Я вышел на палубу. Удивительные в Арктике звезды. Они словно ближе, чем в любом другом месте.

Нетаев ждал меня.

— Вон он, Марс, — указал он на красненькую звездочку.

Глядя на этот огонек неведомого мира, я задумался.

— А ведь, правда, иногда стыдно было бы, если бы он рядом оказался, — задумчиво произнес штурман.

Мы долго молчали. Потом он сказал:

— А там в секции астронавтики у вас... нельзя там, чтобы меня имели в виду. Штурман... ему звезды близки... Я бы и в Космосе штурманом мог быть.

Мы распрощались на ночь.

Но меня ждал еще один человек. Летчик. Он хотел говорить со мной наедине. Но я выдам все-таки его секрет.

Я выслушал его просьбу и крепко пожал ему руку.

Что ж, первые космические корабли, верно, и поведут такие люди, как он.

«Георгий Седов» продолжал под звездами свой путь.